

ВАЛЕНТИНА СЕМЁНОВА

КАРТИНА В КАКОЙ-ТО СТЕПЕНИ ПРОМЫСЛИТЕЛЬНАЯ...

Читая о минувшем съезде писателей, сопереживая и отвлекаясь, уже понимая, что и без меня всё ясно и можно промолчать, всё-таки решаюсь на письмо.

Удивительный человек Станислав Юрьевич Куняев! Публикуя в нескольких номерах всё: и хвалу на себя, и хулу, он словно ставит на себе опыт, странный и безжалостный. Привычно идёт в борьбе до конца, грозно разя давних и недавних оппонентов, вызывает новый огонь на себя, и некоторые думают, не пора ли остановиться, мир – это главное, и пусть он придёт наконец в писательские ряды.

А я не знаю – пора или не пора. Картина-то ведь получается поразительная и в какой-то степени промыслительная.

Это как так случилось, что отменный публицист, много сил отдавший теме репрессий, обличавший тех, кто политизировал трагедию, пережитую народом в 1930-е годы, используя её как дубинку в погроме истории страны СССР, – вдруг оказался сам жертвой репрессий! Именно так. То, что случилось в СП России, очень напоминает те давние события.

Тогда всё началось с внутрипартийной борьбы победившей партии большевиков. С того, что эта борьба была вынесена на обсуждение (и осуждение) народных масс. Массы не могли в одночасье разобраться во всех винах оппозиции, но поверили одной стороне (понятно – какой), и на митингах трудовых коллективов истово требовали расправы над этой оппозицией, которую удобно было называть более понятным словом – врагами партии. Потом дошли до “врагов народа”, ну, а что было дальше, известно всем.

Вот и у нас накануне писательского съезда возникли разногласия между двумя партиями – руководством Союза писателей России и руководством Литфонда. И далеко не все уяснили себе, что в 1991 году Литфонд стал независимой от Союза писателей структурой, неподотчётной ему! Что происходило с писательской собственностью в Литфонде в дальнейшем, никто отчётливого представления не имеет. Вообще, когда так кардинально меняется статус учреждения, надо бы менять и название. Пусть бы оно стало “Независимым фондом” или ещё каким-то, но чтобы писатели понимали: это совсем не тот Литфонд, что был прежде. И вот Ст. Куняев вступил в сотрудничество с этим новым Литфондом...

Руководство СП России, разочаровавшись в деятельности руководителя Литфонда Ивана Переверзина, которого поддерживало несколько лет, начиная с 2007 года, не пригласило на съезд ни Ст. Куняева, ни ещё нескольких

известных писателей. Конфликт не был разрешён до съезда, а был лишь озвучен в “Российском писателе” накануне, с позиции одной стороны. И точно так же, как в 30-е годы, эта единственная версия – о захватнических действиях Переверзина – и была доведена до участников съезда. Статья Николая Дорошенко сыграла роль разорвавшейся бомбы.

Честные, трудно живущие, потерявшие или не приобретшие в новые времена литературный вес писатели возмутились поползновениями капиталиста (хотя и поэта) Переверзина, поспешили отвернуться и от Ст. Куняева как его сторонника. Негодование было благородным, без всяких кавычек. Но в результате Станислав Юрьевич по одному лишь подозрению попал под репрессии. Единомышленников, заметим! А тогда – чьи были репрессии? Их принято называть сталинскими. Да, волна направлялась сверху, шла борьба за власть – это так. Но если бы не поддержали снизу, она бы угасла. Однако к репрессиям причастно и новое общество новой страны, не успевшее созреть, отойти от кровавой логики гражданской войны (“страна-подросток”, как верно заметил Маяковский). Это общество, устремлённое в неизведанное, но справедливое, по многим признакам, будущее, не требовало доказательств вины, полагаясь на власть, завоёванную в боях с капиталом, *свою* власть, которая “зря не посадит”...

И вот опять – осуждение без выяснения полной картины, XXI век. С одной поправкой: испытан на себе все прелести дикого капитализма, при словах “деньги”, “зарплата в Литфонде” часть бедствующего писательского сообщества вообразила одно – корыстную сделку.

Ст. Куняев опубликовал свой отчёт Литфонда, неподотчётного ныне Союзу писателей. Названа сумма возросшего капитала, приведён обширный перечень изданных авторских книг, сборников, фактов материальной помощи некоторым членам союза и проч. И какое к этому отношение со стороны негодующих? Отчёт принят или не принят? Непонятно. Это же проверить можно!

Вся ошибка состояла в том, что разобраться в конфликте следовало до съезда. Участвовать в разборе должны были обе заинтересованные стороны, члены правления, те, кто знал историю Литфонда с 90-х годов, возможно, с привлечением соответствующих специалистов, то есть компетентные люди. По крайней мере, надо было договориться об отношении к финансовым вопросам в условиях безденежья, а не смешивать эти вопросы с выборами председателя и другими жизненно важными проблемами писательской жизни, которые назрели, но не дождалась обсуждения на съезде. На съезде можно было лишь доложить о случившемся конфликте и его разрешении.

И вот теперь всё больше писателей втягивается в дискуссию. Что ж, подлинная демократия! Но придётся разбираться задним числом и основываться не на фактах – они сокрыты или потеряли значение, – а на вере: верить известному писателю Станиславу Куняеву, главному редактору “Нашего современника”, геройски сохраняющему журнал все эти трудные годы и попытавшемуся развернуть Литфонд лицом к писательским нуждам, или малоизвестному пока прозаику, но герою-офицеру Николаю Иванову, имеющему благие намерения сохранить и укрепить писательский союз. На съезде ему поверили. Но надо осознать: ему приходится стартовать на своём посту в экстремальных условиях, которых он не сумел предотвратить заблаговременно, будучи исполняющим обязанности председателя СП России. Теперь наваливается сразу всё: и финансы, и литературные дела, и необходимость качественных перемен в работе союза.

Одно утешает: как мы ни ругаем нынешнее время, но, слава Богу, подозреваемый имеет возможность ответить хотя бы в журнале, который он возглавляет, и дать широкий спектр мнений по вопросу, выходящему за пределы только литературной жизни. И другое: я думаю, со временем Станислав Юрьевич простит своих обидчиков-единомышленников, – если они останутся защитниками России, Пушкина, русской культуры и истории во всей её полноте. Потому что эти ценности, по моим наблюдениям, для него гораздо выше, чем замкнутость на поспешных, предвзятых или легковых мнениях и упрёках.

Иркутск
12 июля 2018